

The book cover features a vibrant, painterly illustration. On the left, a large tree with green leaves and clusters of white flowers with purple centers dominates the foreground. A path of green grass and yellow flowers winds from the bottom right towards a small, rustic house with a blue roof and a glowing yellow light from its doorway. A small black silhouette of a person stands in the doorway. In the bottom right corner, a black silhouette of a dog is lying down. The background is a soft, light blue sky.

Закулисье одного
психотерапевта

Светлана Цветкова

Чахлый ангел

Светлана Цветкова
Чахлый ангел. Закулисье
одного психотерапевта

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68261063

Чахлый ангел. Закулисье одного психотерапевта / С. Цветкова:

Скифия; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-00025-283-3

Аннотация

Героиня книги – практикующий психолог – погружается в депрессию, несмотря на жизненный и профессиональный опыт.

В книге детально описан процесс психотерапии со стороны терапевта с двух проекций: «снаружи» (диалоги сессий) и «изнутри» (мысли героини непосредственно в процессе проведения консультаций).

Повествование выходит за пределы кабинета: в книге подробно рассказывается о том, что терапевт думает и чувствует, готовясь к сессиям и завершая их.

Книга адресована людям, интересующимся психологией и вопросами самопомощи для выхода из сложных жизненных ситуаций, а также будет полезна практикующим психологам и психотерапевтам.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Светлана Цветкова

Чахлый ангел. Закулисье одного психотерапевта

Посвящается Тимуру – моему мужу

Нежная благодарность О. Б. Она – сердце книги.

Спасибо моим любимым бета-ридерам.

© Цветкова С., 2022

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом “Скифия”», 2022

Часть I

Житье-бытье

Глава 1

Январь. Дом

Десять минут назад идея перелезть через забор казалась дерзкой и невыполнимой. Но садовую калитку с зелеными прутьями заклинило намертво, и, окончательно отчаявшись открыть ее, Вера Никитична на всякий случай прикинула на глаз высоту забора и оглянулась по сторонам – нет ли кого на улице. Но в такую погоду все благоразумные люди сидели в уютных гостиных, попивая травяные чаи или настойки из брусники и вишневого листа. Зимой это происходит часто: внутреннее тепло затухает, и остаются семейные споры, зависимость от погоды и виртуальные миры.

Решительно вздохнув – в последний раз подобное мероприятие она проделывала лет двадцать назад, – Вера Никитична перекинула через плечо тонкий ремешок сумки и вставила носок правого ботинка в крупный ромбик сетчатого забора. Попружинив ногой, проверила его устойчивость. Рабица отозвалась тягучим скрипом, но давление выдержала.

– Эх, была не была! – И невысокая, чуточку полноватая фигура в черном пальто, с разноцветным шарфом на голове и болтающейся сбоку сумкой, оттолкнувшись ногой от земли, начала свой путь к вершине забора.

Свой подвиг, свой полет, свою молодость!

Левая нога никак не хотела вставать на нужное место и скользила вниз. Изловчившись и задержав дыхание, Вера Никитична ухватилась за верхнюю планку забора. Дело пошло легче. Ноги находили устойчивые положения, и постепенно она продвигалась вперед, то есть вверх. Конец шарфа выбился из-под пальто и теперь развевался где-то сзади наподобие флага.

Еще минуту спустя Вера Никитична перекинула одну ногу через забор и мысленно начала праздновать победу. Запрокинув голову, она посмотрела в темное небо.

Но, как мы знаем, удовольствие никогда не длится столько, чтобы успеть вдоволь насладиться им.

Город, летом превращающийся в черноморский курортный муравейник, а зимой замиравший в безлюдье, плащаницей укрывали сумерки. Ветер неистово швырял из стороны в сторону клочья тумана. Южный ветер не остановить – он, как русский бунт, пронзительный и беспощадный. Брошенные целлофановые пакеты парили раздутыми медузами, всплывали в мутную круговерть февральского неба и, обессилев после очередного порыва, катились по песчаной дорожке.

И вдруг нечто темное – кажется, еще одна целлофановая медуза – с размаху ударило Веру Никитичну в лицо. Не удержавшись на шатком заборе, она полетела вниз, на промерзшую черную землю.

Конечно, джентльмен, споткнувшись о кошку, всегда назовет ее кошкой. Но Вера Никитична была не джентльменом и даже не леди из прошлых веков. Обычный психолог в самом обычном городе. А еще она курила трубку. Совсем не как леди – поэтому и слова предпочитала не подбирать.

– Черт!

Чтобы замедлить падение, в качестве тормоза ей пришлось использовать собственный локоть. Сустав тут же пронзила жесткая колючка боли.

Ох! Вот тебе и восхождение на вершину!

Немного привыкнув к боли и осторожно держа на весу согнутую правую руку, Вера Никитична поднялась с земли и побрела в сторону деревянной беседки. Молочно-белые боковины доходили ей до пояса. В межсезонье открытое пространство над ними затягивали парусиной, и теперь, на ветру, она надувалась пузырем, потом с резким звуком схлопывалась и опять надувалась. Похоже, беседка воображала себя богом ветра Зефиром – с круглыми щеками и выпученными глазами.

Вера присела на скамейку и отдышалась. Боль в руке понемногу утихала, хотя локоть по-прежнему не разгибался. Ветер буйствовал, завывая в переулках и болтая то внутри

то наружу парусину. Вера снова поднялась, подошла к противоположному краю беседки и, встав на цыпочки, здоровой рукой начала шарить за верхней балкой под самой крышей. Сначала ладонь беспомощно хлопала по пустой древесине, но вскоре пальцы нащупали мягкий бархат ткани, и она вытащила наружу темно-зеленый мешочек на шнуровке. Проверенный годами тайник, еще – хвала небесам! – не рассекреченный детьми.

Какое-то время тесемки не поддавались – развязывать их одной рукой было неудобно, а вторую по-прежнему было легче держать в согнутом положении, – но ловкие пальцы все-таки сделали свое дело, и из мешочка показалась трубка для курения. Классический «бильярд» с прямым мундштуком и белесым оттенком от долгого использования на кончике.

Что-то звякнуло об пол. Вера посмотрела вниз: в деревянный настил, пропитанный морилкой, воткнулся раскладной тройник¹, выпавший из мешочка. Она наклонилась, чтобы поднять его, и в этот момент с колен соскользнул кисет. Упав, он раскрылся, и часть табака рассыпалась. Ветер резво подхватил добычу и унес ее в темноту неба.

Вера Никитична вздохнула. Сесть и ничего не делать.

Ритуал общения с трубкой – это время для себя. Время тишины, бездумья, ощущения гладкости трубки, горькова-

¹ *Тройник (тампер)* – принадлежность курительной трубки, предназначенная для уплотнения табака и чистки трубки.

того вкуса табака с вишней. «Момент между» – так она сама называла эти мгновения, когда не было ни до, ни после, только сейчас. Зазор между стимулом и реакцией. Возможность спокойно посидеть и подумать. Именно то, что ей сейчас так необходимо.

Но вместо этого – калитка, ветер, травмированная рука. Еще и табак рассыпался.

Можно было выругаться, выпустить пар, обвинить в своих неудачах погоду, трудную консультацию, новую клиентку, с которой нужно как-то устанавливать контакт, мужа, не починившего калитку, саму себя, полезшую на забор вместо того, чтобы позвонить домашним и попросить помочь. А можно было взять себя в руки и обратно стать взрослой разумной женщиной, которая не падает с заборов и знает, что любая ситуация разрешима.

Но руки у Веры уже были заняты: в одной она держала трубку, в другой тампер. Да и делать ничего не хотелось – ни ругаться, ни подключать разум. Поэтому, собственно, она и полезла через забор – чтобы еще немного побыть незамеченной.

Она выбрала не выбирать. Замерла, вытянув ноги и прикрыв глаза.

Но ветер не утихал, и теперь играл не только парусиной, но и полами ее пальто, забрасывая их то в одну, то в другую сторону. Стало зябко. Все-таки надо поднять кисет и набить трубку тем, что еще не успело улететь.

Первую сигарету она попробовала в детстве – старший брат принес. Спичек в доме не было, но в семь лет не бывает неразрешимых ситуаций, и процесс прикуривания превратился в физический эксперимент. В кладовке жил электрический камин – прямоугольный, алого цвета, размером с детскую энциклопедию советской эпохи. Он стыдливо прикрывал облупившийся бок, припадая на левую ножку. Зимой, во время царствования норд-оста и сквозняков, его извлекали из кладовки и ставили в комнате, а когда стужа отпускала, снова отправляли в кладовку.

В то лето было душно. Воздух сгустился до состояния овсяного киселя, такого же мутного и склизкого. Но детский энтузиазм смог преодолеть и это: камин извлечен из недр кладовки, бумага с табаком – у раскаленной спирали. Дым и пыльные пальцы брата, протягивающего ей сигарету.

В тот, самый первый раз она даже не затынулась. Едко, залезающего в ноздри запаха хватило, чтобы испытать отвращение к этому начинанию.

Продолжение последовало только через пятнадцать лет, на четвертом курсе университета. Вера хорошо помнила ту ночь: все уже легли спать, а на столе одиноко лежала пачка сигарет соседки по комнате. Декабрь, звездное небо, норд-ост и приступ внезапной острой тоски. Взять и выкурить чужую последнюю сигарету в тот момент показалось чем-то совершенно естественным. Она вышла на балкон одиннадцатого этажа, неуклюже затынулась и, глядя на темный город,

заметила, что ноги в легких домашних тапочках почему-то не мерзнут.

С тех пор она начала курить. Непостоянно и нечасто, но когда внутри не хватало опоры, укорененности в действительности, ей вспоминалось ощущение тепла посреди зимы тогда, на балконе, и она доставала сигарету. На трубку перешла, когда младшей дочери исполнилось пять, – наверное, тоже от тоски и пронзившего внезапно понимания, что дети вырастают и внутри остается пустота. А трубка как раз пустоты и не терпит: ее надо набивать, убирая воздушные зазоры и осторожно утрамбовывая в чаше мелкую табачную крошку.

Так в этом процессе появилась еще и философская часть. Практически медитация.

...Рука, кажется, начала понемногу разгибаться. Вера чиркнула спичкой о коробок, прикрыв ее от ветра ладонью. Оранжевое пламя дрожало и изгибалось, хищно съедая тонкую древесину. Внутри прожорливого огонька сидела тишина. Она смотрела в самую сердцевину огня, не замечая, что он медленно подползает к ее пальцам.

Мысли по-прежнему вертелись вокруг сегодняшней сессии с клиенткой. Почему первый раз всегда такой тяжелый?

Глава 2

Январь. Консультация

Два часа назад ветер так же яростно, с размаху наотмашь бил в окно.

Надежда Николаевна сидела напротив, заполняя кабинет тоской и болью. Сорок третья минута первой консультации. С одной стороны, все как обычно: муж, дети, проблемы, страхи. С другой, из пятерых детей четверо – приемные. Судя по всему, из-за последней, совсем недавно появившейся в семье – Кати – надежда и пришла сюда.

Первая консультация – это всегда испытание. Это этап вхождения вглубь, куда давно (или никогда) никто не заглядывал. Вера проходила это с каждым новым клиентом: человек много говорит, но не может назвать словом то, что с ним происходит. Воздух в кабинете на таких консультациях вязкий и липкий, и с каждой минутой словно сгущается еще больше. Не убежать из этого контакта, а выдержать его, отгородившись от водопада боли клиента, – вот задача первой встречи для терапевта. И черт его знает, почему для Веры это каждый раз так сложно.

Надежда медленно-медленно вела рукой по волосам, обнажая у бледного широкого лба белесые корни. На макушке рука остановилась, приминая пышность отросшей стрижки.

– Я ничего не хочу. Я устала. Сделайте с ней что-нибудь.

Вера Никитична молчала, изредка делая пометки в блокноте. Надежда говорила рвано, с паузами, перескакивая с одного на другое, и во всем этом была какая-то беспросветность, пыльной пеленой тянущаяся за нею. Вера почти физически чувствовала, как эта пелена все больше окутывает и ее саму, не давая ни думать, ни дышать. Единственное, что она могла делать, чтобы сопротивляться, – выдерживать тяжелый взгляд Надежды, уходящий во тьму. Такой бывает у детей, пришедших к тебе со своим несчастьем и полностью доверившихся. В них нет требований о помощи, зато есть усталость и обделенность. Состояние мягкой игрушки, которую выстирали и за прищепки повесили сушиться на веревку. Обвислость. Безжизненность.

Ведь даже для того, чтобы просить о помощи, нужна хотя бы какая-то энергия.

Здесь ее не было. Не было вообще ничего, кроме этого взгляда потерянного ребенка и запредельной, оголенной чувствительности. Взмах ресниц, промелькнувшая тень мысли – и те могут оборвать призрачную паутинку близости.

Вере Никитичне вдруг вспомнилась картинка, случайно попавшаяся в ленте социальной сети: Вселенная в капле воды. Капля своей собственной тяжестью и тяжестью отраженного мира давит на невесомую паутинку. Нить медленно растягивается, капля балансирует. Кажется – еще мгновение, и все это оборвется, обрушится, разобьется.

Сейчас, сейчас это произойдет...

... Но нет, нить еще целая.

Может, через секунду?..

...И опять нет. Паутинка каким-то чудом держит собой отраженную Вселенную.

А она, Вера, сможет выдержать чужую Вселенную, полную горя, тоски, отчаяния?..

– Я устала... – Рука Надежды, скользнув по щеке, упала на колено. – Это больше невозможно терпеть. Я целыми днями стираю и убираю. Она словно ничего не слышит. Я не могу с ней справиться. Дома находиться нет сил, но и на улицу боюсь выходить. Там люди – любой может быть носителем этого треклятого вируса. И мы опять заболеем. Я все забываю. Иду давать лекарство детям и думаю: то ли это лекарство? Снова начинаю читать этикетку... И так несколько раз в день.

Она прижала пальцы ко лбу, закрыв ладонью лицо. Потом резко убрала руку:

– Учительница умерла. С Витей занималась, столько для него сделала! А я с ней разговаривала два дня назад! Она веселая была, радовалась... А тут вдруг раз – и нет ее. И никто не говорит, отчего. Может, даже сама – и такие слухи ходят.

Капля все тяжелее и тяжелее.

– Ее нельзя оставлять ни на секунду – все обгадит! – громко высморкавшись в бумажную салфетку, продолжала Надежда. Вера с трудом уловила, что она говорит уже не об учи-

тельнице. – Только надену на нее чистые штаны – опять лужа! Кусает других детей, только отвлечешься – тут же делает какую-нибудь мерзость. Назло, специально! Стали уже ее привязывать. Надеваем комбинезон с лямками, чтобы не сняла штаны, и привязываем к лесенке на кровати двухъярусной. И ласково пробовали, и поощрения делали, и наказывали – все бесполезно. Смотрит пустыми глазами и молчит. Руки опускаются, честное слово!..

Лицо Надежды Николаевны сморщилось, лоб пошел складками, мелко-мелко затрясся подбородок. Она прижала пальцы к вискам и как-то жалобно, по-собачьи всхлипнула.

– Все бы ничего, но то, что она не хочет ходить на горшок... Весь дом уже пропах! Одежда, ковры, диваны – все постоянно мокрое и грязное. Сил моих больше нет убирать за нею! И ведь когда забирали ее, все вроде бы в порядке было! Казалось, нормальная девочка, тянется к нам. А как домой привезли – превратилась в зверька одичавшего.

Она опять высморкалась и нервно скомкала в руках салфетку. Вера Никитична глотнула воды.

– А ведь мы живем ради детей! – немного помолчав, снова заговорила Надежда. – Нас с мужем больше ничто не связывает, нет никаких общих интересов. Раньше в походы ходили, путешествовали, на мотоцикле гоняли, на подъем были быстры... А сейчас ничего этого нет. Все крутится вокруг них!

Ниточка паутины угрожающе растягивается, провисая

вниз. Еще чуть-чуть и...

– Надежда Николаевна, вы рассказали о том, что происходит у вас в жизни. – Вера слегка откашлялась и постаралась придать голосу привычную уверенность. – Мы можем попытаться выделить, что из всего этого вас беспокоит больше всего и с чем вам хотелось бы разобраться в первую очередь.

Надежда участливо кивнула, вытирая салфеткой глаза.

– Апатия. Я ничего не хочу. Из-за этого вируса боюсь выходить на улицу, боюсь заболеть. И что-то с дыханием – не могу дышать.

Капля врезается в ниточку так глубоко, что начинает напоминать сердечко. Вселенная деформируется.

– Тогда будем работать с вами над апатией, дыханием и страхом выходить на улицу. – Вера пролистнула ежедневник. – Я предлагаю встречаться каждую неделю в течение месяца. Вам удобен такой график?

Надежда снова кивнула и почему-то отвела взгляд.

– А потом посмотрим на динамику и решим, что делать дальше. Договорились? – спросила Вера, закрывая блокнот. На сегодня точно достаточно.

– Хорошо, спасибо.

Неужели выдержала?..

Надежда Николаевна бросила на стол очередную салфетку, достала из сумочки зеркало и мельком взглянула в него. Потом убрала блестящую круглую коробочку обратно и закрыла сумку. Начала вставать.

И в этот момент коленом случайно задела низенький журнальный столик.

От толчка керамическая кружка с остатками кофе потеряла устойчивость и начала опасно балансировать на блюдце.

Вера Никитична и Надежда Николаевна одновременно замерли, взглядами вцепившись в этот танец. Упадет – не упадет? Разольется? Разобьется?

Выдержит ли?.. Удержит ли?..

Кружка падает, и по полотняной салфетке, прожорливо съедая белый цвет, растекается коричневое неровное пятно.

Ниточка все-таки оборвалась. Вселенная рухнула.

Ее, Верина, Вселенная профессиональной отстраненности и неприятия на себя чужой боли.

Глава 3

Январь. Дом

Пронзительный звонок будильника в телефоне имитировал крик петуха.

«Какая же все-таки это гнусная птица!» – вяло думала Вера Никитична, с закрытыми глазами хлопая ладонью по компьютерному столу, стоящему рядом с кроватью. За остатками сна еще теплилась надежда, что сейчас снова наступит тишина и можно будет провалиться обратно в тепло. Но противный вопль появлялся вновь и вновь. Дурацкие смартфоны: чтобы отключить будильник, недостаточно нащупать телефон – нужно открыть глаза, поставить палец на крестик и провести вправо.

Яркий свет экрана – и прощайте, последние клочья грез. Заставка телефона настойчиво предлагала улыбнуться этому дню. И неважно, что температура в спальне не выше 15 градусов по Цельсию. И неважно, что спала ты не больше четырех часов.

Не давать себе поблажек. Иначе разленишься и весь день проваляешься в кровати.

Вера Никитична села на кровати и откинула два одеяла. Верхнее – с яркими всполохами солнца и луны по ультрамариновому фону пододеяльника – дежурное: его доставали только в холода. Нижнее – белое, потертое, родное. Оно-то

и не отпускало, маня снова нырнуть в тепло.

Вдохнув в себя решимость, она вытащила из-под одеял ноги и спустила их с кровати. Розовые ступни коснулись холодного дощатого пола, выкрашенного кленовой морилкой и покрытого яхтным лаком для износостойкости. При столкновении тепла и холода сознание окончательно вернулось из бескрайних духовных миров в ее сорокалетнее неидеальное тело.

Физиология требовала поторопиться. Вера начала шлепать ступнями по полу в поисках своих тапочек, и тут вспомнила, что вчера вечером кто-то из детей ушел в них. Отлично! При мысли, что идти в туалет по холодному кафельному полу придется босиком, заранее бросило в дрожь. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Вера Никитична перегнулась через кровать, двумя пальцами подцепила его тапочки и, опираясь на левый локоть, перенесла на свою сторону. Сорok третий размер против ее тридцать седьмого.

Бесшумно поставив тапки на пол, она оглянулась и посмотрела на мужа. Похоже, не проснулся. Григорий Фёдорович обладал уникальным свойством совершенно не слышать будильник, но при этом просыпаться от каждого шороха. В сумерках начинающегося утра казалось, что этот спящий великан, которому явно коротка их двухметровая кровать, чего-то боится. Шлепая губами, он словно с присвистом отгонял невидимых монстров. Мелко вздрагивала при похрапывании его окладистая шкиперская борода. Борода

для мужа была фетишем, тайной страстью, идеалом настоящего мужчины, как он любил повторять (на этих словах Вера всегда хмыкала: кто, интересно, видел этого настоящего?). Каждое утро он доставал помазок, бритву и старый дедовский ремень. Вешал на спинку стула полотенце, взбивал плотную, густую, похожую на гоголь-моголь мыльную пену, открывал складной станок и начинал священнодействие. Домочадцы ходили на цыпочках. Принесение в жертву своей щетины требовало тишины, сосредоточенности и уважения: голова-то одна, а бритва опасная.

Вера поплотнее укрыла мужа одеялами и, засунув ноги в тапки, наконец встала с кровати.

На выходе из комнаты ее поджидал сюрприз: открыв дверь в коридор, она поскользнулась и с трудом удержала равновесие. Правая нога уехала куда-то вбок, чуть не потащив за собой левую. Под тапкой чувствовалось что-то мягкое и склизкое.

– Ёпрст! – в сердцах воскликнула она шепотом, поймав устойчивость и поднимая ногу с пострадавшей тапкой вверх. – Лотка вам мало, что ли?!

Щелкнула выключателем. Так и есть: темно-коричневая, размазанная по кафелю субстанция. На ум невольно пришли Надежда Николаевна и ее отчаяние по поводу приемной дочери, отказывающейся ходить на горшок. Да уж, приятного мало.

Перед батареей в углу коридора тесно прижались друг к

другу два котенка. Сверху лежал пепельно-серый с коротким подшерстком. Он сонно уткнулся носом в хвост рыже-бело-черной сестры, Мама-кошка обвила их пушистым хвостом, всем своим видом показывая, что к происхождению кучи они не имеют ни малейшего отношения. Просто святое семейство на отдыхе. Ага, как же! На самом деле это наглое, беспринципное, делающее все назло воплощение зла на земле. Нет, во всей вселенной...

Так, стоп! Сначала туалет, а после можно будет продумать планы мести.

Оставив лежать в центре коридора тапок с тянущимся грязным следом, Вера Никитична на одной ноге попрыгала в сторону ванной. «Наверное, со стороны это похоже на кенгуру», – подумала она. Еще и тапок на ноге равномерно хлопает о кафель болтающимся задником – как хвост у сумчатого. Джунгли, да и только!

Прыжки, видимо, оказались слишком громкими. Не успела Вера Никитична добраться до ванной, как позади заскрипела дверь спальни и из-за нее выглянула взъерошенная бородка мужа.

– Вер, ты чего? – Щурясь от желтого света свисающего с потолка фонаря, Григорий Фёдорович недовольно смотрел на жену.

Вера Никитична вздохнула. Интересно, как пройдет этот день, начавшийся холодом и неприятностями?..

Котят было двое. Приблудившись, обратно отблуживаться они категорически отказывались. Несовершеннолетняя общественность регулярно втихаря утаскивала их наверх, в детские, прятала у себя в кроватях, прикрывая одеялами. Их грели, ласкали, мыли, кормили из своей тарелки. И все бы ничего, если бы не одно большое «но»: приучаться к лотку они отказывались категорически. Дикие животные окрестных полей.

И это не считая двух своих котов и кошечки. Первого – черного длинношерстного красавца с белой манишкой – Полина принесла домой два года назад. В тот период она увлекалась аниме, поэтому новобранца назвала Тадаши. Деликатный и обстоятельный, он никогда не набрасывался на еду, а терпеливо ждал, спрашивая глазами: можно? В доме занял два места – из расчета, чтобы быть подальше от надоедливых малышей, унижавших его достоинство. Первое место оказалось на кухонном шкафу, под самым потолком. Второе – на крышке мусорного ведра. Когда крышка неплотно прикрывала содержимое, кот проваливался вовнутрь. Выскочив, обиженно отряхивался и укоряюще смотрел на хозяев: «Почему такой беспорядок?» Терпеливо ждал водворения крышки на место, а потом с достоинством сфинкса садился обратно.

Второй кот был Лилин. Черный как смоль, короткошерстный дворовый разбойник. В качестве значимого субъекта признавал одну только Лилию. Днями гулял по окрестностям, приручая хозяев коттеджей: перед его уверенностью, что накормить хвостатого странника – дело жизни каждого, устоять не мог никто. При этом он никогда ничего не выпрашивал и не мяукал – просто прыгал на руки и терся головой о человеческую щеку с радостью друга, которого тот давно потерял.

Харизма была обратной стороной его несладкой жизни: эпические войны с окрестными котами никогда не заканчивались и не проходили бесследно. Рваные нагноения, переломы, абсцессы случались как по расписанию, раз в месяц. После очередного ранения Лиля везла питомца в ветеринарную клинику. Администраторы клиники, видимо, обладали иммунитетом к обаянию кошачьих личностей и ремонтировать его бесплатно не собирались. Зарплата Григория Фёдоровича от этих визитов таяла, как лед в весенней лужице, но на семейном совете каждый раз принималось решение: если не это главное, на что нужно тратить деньги, то что же тогда вообще считать главным? Григорий Фёдорович на таких советах, правда, всегда выглядел угрюмым и часто вздыхал.

Кошку-мать звали Фокси. Имя выбрали за большое сходство с рыжей лисой. Ее появление совпало с Ксюшиным хождением к репетитору по английскому, и поэтому в процессе выбора имени был тщательно исследован толстый англо-рус-

ский словарь. Приключилось это в позапрошлом году, в январские морозы, когда Григорий Фёдорович темным утром услышал во дворе чей-то тонюсенький писк. Откинув деревянные поддоны, которые летом использовались для разных огородных нужд, он и увидел эту усатую крошку. Скорее всего, ее кто-то выкинул: их дом, как говорили дети, находился на самом краю вселенной, и случайные пришельцы сюда забредали нечасто. Пятнадцать лет назад вокруг росли виноградники, потом их вырубил, а земли распродали. Место солнечное, нежное: с одной стороны ширь полей позволяет увидеть рассветы, встающие из-за холмов Кавказских гор, а с другой – закат погружает раскаленное пламя в море, окрашивая небо и воду алым цветом. Участки разлетелись, как птицы от выстрела. Бизнесмены из столиц и холодных северных краев стали возводить гостиницы и коттеджи. И довольно регулярно вывозили надоедавшую живность в перепутье четырех дорог.

Так у них и появлялись новые члены семейства. Приемные дети с усами и хвостами.

В прошлом году к материнству Фокси оказалась не готова: родив троих котят, отказалась их кормить. Нимало не переживая по этому поводу, она жила дальше. За год еще выросла, окрепла, расцвела пепельно-рыжим цветом и накануне новогодних праздников осчастливила хозяев новым двухголовым прибавлением. Его, в отличие от предыдущего, она старательно кормила, вылизывала и обихаживала. Вот эти

два новогодних подарка теперь и расшатывали мирные устои всей семьи, с топотом носясь ночами по комнатам и категорически игнорируя лоток.

Глава 4

Январь. Консультация

– Как прошел ваш день?

Надежда Николаевна вздохнула, махнув рукой.

– Ужасно! Это невыносимо! Опять из-за нее все переругались. Поехали в магазин, я оставила их на пять минут в машине. Старшая говорит: Катя отстегнулась, перелезла через переднее сиденье, достала конфеты из бардачка и все съела. Остальные пытались ее остановить – так она начала кусаться. Это зверек дикий! Как Маугли. Ей нужно отделить уголок в комнате, отгородить его, и пусть она там живет! Меня все раздражает. Стала срывать на других детей, на мужа. Вчера он купил продукты и забыл овсяную крупу. Так я на него кричала – аж голос сорвала. И ведь понимаю, что мелочь, а сдержаться не могу...

«Ребенок-Маугли», – записала в блокнот Вера Никитична и незаметно вздохнула. В Надежде было что-то такое, что обезоруживало и заставляло кожей чувствовать безысходность, которая холодным сквозняком летала в кабинете во время их консультаций. Вера сама пока не могла понять, что именно испытывает: сочувствие к женщине, взявшей на воспитание троих детей и не справляющейся с четвертой, или к самой Кате – маленькому, озлобленному на весь мир человеку.

Непрофессионально, да. Этому еще первокурсников учат: терапевт должен сохранять нейтралитет по отношению к клиенту и не принимать на себя его переживания. Но все системы иногда дают сбой. И Вера Никитична старательно пыталась восстановить работоспособность своей.

– У вас очень много переживаний, – сказала она, глядя на седые корни волос Надежды Николаевны. – Вы рассказываете, и я слышу, как один маленький ребенок терроризирует всю семью. Сюжет, достойный пера Стивена Кинга! Давайте представим: как он описал бы вашу историю?

Посмотреть на ситуацию со стороны – прием, полезный для всех.

– Жила-была семья, спокойно и радостно, даже где-то скучновато, – с сарказмом в голосе начала Надежда Николаевна. – И вот взяли в дом девочку, и закончилась эта спокойная жизнь. Все стали ходить покусанные, поцарапанные, не могли расслабиться ни на минуту. Выросла раздражительность, нервозность, напряженность.

Она замолчала. Вера немного подождала, а потом спросила:

– А что было дальше?

– Ситуация стала накаляться, и они решили отдать ее в другую семью. Нашли энтузиастов, уговорили, отвезли. Радостные и спокойные провели этот день в эйфории, любви и счастье, но к вечеру раздался стук в дверь – и на пороге снова стояла она. Другая семья отказалась от нее быстрее первой.

И снова пауза.

– И что потом?

– Им осталось только смириться. Они отгородили для нее загончик в комнате, как для собачки, чтобы она там делала, что хотела – ходила в туалет, показывала половые органы, как животное, – но не трогала других.

Надежда Николаевна едко усмехнулась и, поставив руку на подлокотник, закрыла лицо ладонью.

«Вся семья объединилась против одной-единственной пятилетней девочки, – подумала Вера Никитична и поежилась, невольно вспомнив свою Ксюшу. – Ребенок против целого мира. Она воспринимает ее не как ребенка, которому нужна помощь, а как неизбежное зло, от которого надо оградить семью».

Ей вдруг стало тоскливо.

– То есть в вашем сценарии семья смирилась, но по-прежнему отвергает этого ребенка, не принимает его? – быстро уточнила она, стараясь не дать этой тоске захватить пространство внутри нее.

– Да, – со вздохом кивнула Надежда. – А что еще остается?

На ум Вере опять пришла утренняя история с котятами, сходящими мимо лотка. Смириться, но не принять – путь в никуда. Жить, мечтая, чтобы это когда-нибудь закончилось, – значит медленно, но верно портить себе здоровье, отношения, психику.

– Хорошо, – немного помолчав, сказала она. – Я бы хотела

попросить вас прочесть дома небольшой рассказ Урсулы Ле Гуин «Уходящие из Омеласа».

Надежда Николаевна беспокойно завозилась в кресле.

– Не знаю, будет ли у меня время... – неуверенно начала она.

– Урсула родилась в семье писательницы Теодоры и ученого-антрополога Альфреда Крёбера, – продолжила Вера, словно не замечая этих сомнений. – В ее произведениях есть опыт проживания одиночества и инаковости. Рассказ совсем маленький, минут на десять. Нам будет что обсудить в нем.

И закрыла блокнот. Возможно, стоит подумать о супервизии. Но не сейчас, попозже. Пока еще ничего не понятно.

Глава 5

Январь. Бассейн

За высокой полукруглой стойкой виднелась белесая макушка медсестры. Не поднимая головы от телефона, она протянула ключ от шкафчика и банное полотенце салатового оттенка.

В раздевалке от прохлады свело лопатки. Да уж, долго здесь не побудешь. Вдоль позвоночника по направлению к затылку побежали мурашки. Вера спрятала их вместе с волосами в купальную шапочку.

Впервые она пришла сюда в новогодние каникулы, когда затянувшаяся нега и ничегонеделание (точнее, ничегонедумание) побуждали искать новые стимулы встать с дивана. Ощутить телом ласковую воду и погрузиться в нее с головой казалось хорошей идеей. И первое посещение оставило энергию, бодрость и приятное ощущение заботы: медсестра из другой смены приветливо порхала рядом, показывая и рассказывая. Настойчивость и доброжелательность лилась потоками, как вода, плескавшаяся в бассейне через край. Гостеприимно появились одноразовая шапочка для купания (в первый раз Вера, конечно же, не подумала ее взять), экскурсия по спа-зоне, вопросы о температуре воды – достаточно ли она теплая, – и даже инфракрасная сауна, которая сначала в планы Веры Никитичны не входила, а потом оказалась са-

мой приятной частью визита: уставшее от праздничной суеты тело, расслабившись после энергичного заплыва на горячем деревянном лежаке, наконец задышало спокойствием.

Сам бассейн в тот день был пуст. Абсолютно. Ни одного человека. В полном распоряжении все пространство. «Какое счастье, – подумала тогда Вера, – ни с кем не надо говорить, улыбаться, никто не задает дурацких вопросов!» Хранитель бассейна сидел на белом пластмассовом стуле за таким же белым пластмассовым столом и каждые несколько минут обзирал вверенные ему владения с величавой вальяжностью Посейдона. Убедившись, что помощь никому не нужна, он возвращался в мир соцсетей – видимо, более интересный, чем водное царство.

Потом было по-разному: и много народу, и постоянно меняющиеся медсестры с нестабильным уровнем заинтересованности в проблемах посетителей, и снова приятная пустота предпраздничными вечерами. Но жизнь в принципе противоречива, полна несуразностей и взаимоисключающих вещей. Стилизованные под дорический ордер колонны и современные пластиковые панорамные окна. Прозрачные маленькие башенки на крыше – посмотрев в потолок, можно увидеть небо. Если раскинуть навзничь руки, кожей можно ощутить прохладу воды и глазами видеть свет звезд – зимой темнеет рано. Ради этих минут Вера Никитична и полюбила бассейн.

Накинув на плечи полотенце, она вышла из раздевалки в

зал. Двое мужчин на соседних дорожках размеренно взмахивали сначала руками, потом ногами. На полпути делали остановку, задумчиво изучая лица вновь вошедших, морщили лоб. Доплывали до бортика, касались светло-голубых квадратных кафеля и шумно разворачивались, расплескивая воду.

«Наверное, два друга, – мелькнуло в голове у Веры. – Решили поплавать вместо пробежки».

Сегодня она пришла утром, а не вечером, как обычно. Вечер будет занят – консультация. Снова Надежда Николаевна. Интересно, прочитала она рассказ Урсулы? Хорошо, если да, – там есть за что зацепиться. А если нет, придется на ходу решать, в какую сторону двигаться дальше. Прощупывать отношения с мужем? С Катей? Уходить в детство?..

Спустившись по металлической лестнице, Вера оттолкнулась от ступеньки ногами и поплыла вперед. Мышцы отозвались приятным растяжением, как после долгого сна. Руки, раскрываясь в плечах, продвигали тело вперед и будто убирали с пути то, что мешало двигаться. Хотелось закрыть глаза и просто плыть, равномерно разводя и сводя их снова, легонько, словно русалочьим хвостом, шевеля ногами.

Вот поэтому она сегодня и пришла в бассейн. Порция утренней безмятежности полезнее, чем кофе большими кружками.

Но безмятежность не получилась.

Проплыв два раза от бортика до бортика, Вера вернулась

в начало дорожки и приостановилась, восстанавливая сбившееся дыхание. В это время в зал вошла еще одна посетительница. Округлая, невысокая, с короткими седыми прядями, выглядывавшими из-под латексной шапочки, как испуганные клювики замерзших воробьев. Чуть поднятые уголки глаз придавали лицу сосредоточенное выражение примерной ученицы первого класса, хотя, судя по внешнему виду, она закончила не только школу, но и другие учебные заведения лет тридцать назад. Скулы, нос и даже уши оформились в треугольник, центр которого составляли губы, морщинисто собранные в куриную попку.

Оглядевшись вокруг, седовласая дама направилась к дальней части бассейна – как раз туда, где стояла Вера.

Вера посмотрела по сторонам – пустых дорожек уже не было: пловцов постепенно становилось все больше. Пустовала только детская часть бассейна, отгороженная от основной невысокой алюминиевой оградой. Встреча, похоже, была неизбежна. Делить дорожку Вере Никитичне совсем не улыбалось, но и не пускать на нее женщину было бы странным. Тоскливо вздохнув, она предпочла ретироваться на детскую территорию.

Глубина в «лягушатнике» была от полуметра до метра. Касаясь дна то пальцами ног, то локтями, Вера Никитична неуклюже пробарахталась там еще минут пятнадцать. Довольствие было испорчено, но даже такое нелепое уединение сейчас подходило ей больше, чем регулярные встречи в уз-

ком водном пространстве с этой пожилой первоклассницей. Вера нутром чуяла исходящий от нее заряд недовольства.

В раздевалке она начала неторопливо снимать лямки купальника – темно-синего, с концентрическими оранжевыми кругами. Любимого и единственного. Очень удачно купила его когда-то давно, на распродаже. С тех пор несколько раз предпринимала попытки подобрать ему замену («Мама, он уже весь выцвел!»), но так и не смогла – зеркала в примерочных упорно показывали тело, несуразно запихнутое в яркие кусочки дорогой ткани. Этот же сидел как влитой: нигде не жало, не оттопыривалось, и фигура была похожа на человеческую, а не геометрическую. А то, что выцвел и немодный, – и бог с ним. Пережить можно.

Влажную тишину раздевалки нарушили стремительно приближающиеся звуки чьих-то ног в мокрых шлепанцах. Прикинув, что в бассейне из женщин были только она и посетительница с недовольным лицом, Вера Никитична прижала к груди полотенце и, недовольно сдвинувшись в сторону лавочки, стоявшей между двумя рядами шкафчиков для переодевания, начала неловко отделяваться от мокрого купальника.

Шлеп шагов становился все громче. Подняв глаза, Вера увидела приближающиеся бедра. Латексная ткань плотно охватывала их верхнюю часть – кажется, эта модель называется «боксеры». Разминуться здесь шансов не было. Да и потому, как пристально женщина смотрела прямо на нее, ста-

ло понятно, что целью движения посетительницы является не шкафчик с одеждой, а она, Вера Никитична, собственной персоной.

– Мне сказали, что вы психолог. Вот скажите: почему мой сын меня не слушает? Я его воспитывала ответственным и хорошим мальчиком. Сейчас ему семнадцать. Он отказывается выполнять мои просьбы. Домой начал приходить посреди ночи, хотя знает, что я волнуюсь. Говорю что-то – хамит, грызается. Что мне сделать, чтобы он слушал меня?

В лодыжку больно упиралось шершавое ребро лавочки. Вера Никитична стояла, одной рукой держа недоснятый купальник, чтобы он не свалился на пол, а другой – салатовое махровое полотенце, прикрывающее верхнюю часть тела. В бассейнах специально заказывают текстиль мягких оттенков. В них хочется зарыться лицом, уткнуться, как в безопасность, и забыть о напористых посетительницах.

Женщина сжала губы еще плотнее. «Куда уж больше, – подумалось Вере Никитичне. – И так кажется, будто она пьет коктейль через соломинку и содержимое бокала ей не нравится».

– От тона вашего голоса мне хочется спрятаться и залезть под лавочку, – холодно сказала она в надежде, что это остановит решительность дамы в стекающем ручьями коричневом купальнике.

Но та лишь скосила глаза по диагонали вниз, посмотрев на лавку высотой не больше пятидесяти сантиметров. Забрать-

ся туда, конечно, было бы проблематично. Намек не удался. Мало того, еще и рисковал превратиться в фарс.

– Если вы так же разговариваете со своим сыном, я предполагаю, что у него возникают похожие чувства. И в этом случае очень понимаю его, – отрезала Вера. – А теперь простите, мне нужно переодеться.

Она решительно повернулась к женщине спиной и отпустила руку, удерживающую купальник. Концентрические оранжевые круги, сморщившись, упали на пол.

Глава 6

Январь. Дом

Дом встретил ее забившейся раковиной, до краев наполненной коричневой от кофейной гущи водой. На поверхности плавали макароны – похоже, они изображали корабли на дрейфе. Приятного мало, особенно если учесть, что еще утром все блистало чистотой и вымытой посудой.

Стоя в дверях кухни, Вера Никитична вздохнула. Давно нужно было вызвать сантехника и пробить засор! Но сейчас тянуть уже некуда, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Она закатала рукава кофты и сняла кепку, вздрогнув от упавших на шею все еще мокрых волос. Не зря все-таки с утра пораньше сходила в бассейн: даже несмотря на барахтанье в «лягушатнике» и неприятный разговор в раздевалке, в теле осталась бодрость. Живот в этот момент, правда, буркнул что-то нечленораздельное. С едой он соприкасался часов шесть назад, но Пизанская башня из блюдец, тарелок, кастрюль и даже ее любимая пузатая чашка с отбитой ручкой ехидно умничали: «Входящие, оставьте упования».

Вера снова вздохнула и заглянула под раковину. Ну конечно! Опять нет на месте.

– Дети, кто-нибудь видел вантуз?

– Видимо, он там же, где мой ключ от сарая, – раздался

голос Григория Фёдоровича. Он появился в дверном проеме с двумя полными пакетами в руках.

Ключ муж потерял неделю назад. Это было удивительно – в плане хранения он был педант. Коробочки, шурупчики и вышедшая из строя бытовая техника обитали в доме наравне с живыми душами. Ведь все же можно починить, а если нельзя, то надо разобрать и детали использовать для ремонта! Их спальня и вовсе напоминала склад временно-неиспользуемого-всего-самого-необходимого. Поначалу это страшно раздражало Веру Никитичну – на самом деле, не особо приятно спать по соседству с крылом от мотоцикла. Потом стало очевидно, что это можно только принять. Кровать поставили посередине комнаты: слева расположилось царство Григория Фёдоровича, справа – Верин стол с книгами и компьютером, любимое кресло и лампа в старом абажуре. Время от времени муж предпринимал попытки нарушения границ и осуществлял захватнические действия ее территории, складывая на столе свои коробочки с отвертками и молотки разного размера или задвигая под кресло ящик с дрелью, но наталкивался на жесткую оборону, и царство покорно водворялось в свои границы.

Но ключ куда-то запропастился всерьез. Его искали дети, Вера, сам Григорий Фёдорович и, возможно, даже кошки. Смотрели под лестницей, на книжном шкафу, на кухонных полках, в кастрюлях, сковородках и в чайном сервизе. Были вывернуты наизнанку все карманы у толстовок с черепа-

ми, единорогами и Эйфелевой башней. Найдено огромное количество забытых интересностей. Лиля в собственной рыжей куртке обнаружила щипчики для бровей, исчезнувшие месяц назад. Полина открыла способность находить дырки в карманах (обрадовавшись этому таланту, Григорий Фёдорович тут же вручил ей шкатулку с нитками и пару иголок). Особенно старалась младшенькая – ей нравилось быть в процессе. Старшие же, для видимости побродив по дому и обнаружив под кроватью незнакомого котенка, под предлогом уроков тихонечко перетекли в свои комнаты.

Видимо, то же теперь будет и с вантузом.

Глава 7

Январь. Консультация

Надежда Николаевна с порога стала перечислять собственные успехи: сходила к гинекологу у которого не была полтора года, записалась на массаж стоп.

– Говорят, это неземное блаженство! Хочу испытать. И еще, представляете, Вера Никитична, записалась на биорезонансную диагностику. Пора заняться своим здоровьем. Вышла наконец в люди!

Выслушав это бравурное вступление и согласно покивав по поводу того, что забота о здоровье – важный шаг к нормализации жизни, Вера Никитична спросила, удалось ли ей прочесть рассказ Урсулы Ле Гуин.

Голос Надежды из ликующего и радостного тут же стал глухим – как будто большой воздушный шарик стали захватывать в узкую трубу. Шарик сопротивлялся. Внутри него менялось давление, он деформировался и, казалось, из последних сил держится, чтобы не лопнуть с громким, резким хлопком.

– Знаете, Вера Никитична, он у меня вызвал двойственное впечатление. С одной стороны, ситуация похожа на то, что происходит с Катей и с нами, – голос еще более замедлился, слова выталкивались с трудом, – и я в позиции жителей города. Но я не знаю, что с этим делать. Да, это неправильно,

умом я понимаю, но ничего не могу сделать. Ни-че-го.

Вера почти физически почувствовала, как открылась невидимая дверь и в кабинет опять вошли ватность, тягучесть и безысходность. Воздух сгустился до состояния резины, которую невозможно вдохнуть.

– Надежда Николаевна, мы не берем сейчас то, что правильно или неправильно. Мы работаем с тем, что вы увидели в этом рассказе и как это откликнулось у вас.

Воздух со свистом вошел в легкие. Морок немного рассеялся.

Надежда опустила глаза.

– *Я поняла*, что есть город, наполненный множеством счастливых людей. Но по какой-то причине их счастье зависит от страданий маленького слабоумного ребенка, заточенного в подвале башни. Он просто сидит там и ходит с ума дальше, пока они все живут обычной жизнью, прекрасно зная о нём.

Вера слушала, неторопливо кивая. Рассказ Надежда явно прочитала.

– Хорошо. Но что в этом рассказе задело вас больше всего?

– Что были те, кто жил в городе и соглашался со страданиями ребенка. Попадались и такие, кто уходил из города, не в силах жить рядом с этим. Но никто не остался и не освободил ребенка, не поднял бунт.

«Бунт в защиту ребенка», – черкнула Вера Никитична в

своем блокноте. Интересно.

– А как бы вы это сделали, если бы оказались в городе?

– Нет, я не революционер, я не знаю, как это делать. Но те, которые уходят, – они убегают от решения.

– Согласна, – снова кивнула Вера. – А от чего убегаете вы?

Надежда вдруг резко подняла на нее глаза. Несколько секунд помолчала, а потом тихо сказала:

– От близости.

Вот как.

– Почему?

– Боюсь привязываться к людям.

– Почему?

– Они могут уйти. Оказаться не такими, как я их видела.

И потом будет больно.

– Что вы делаете, чтобы не привязываться?

– Ухожу, если есть возможность. Если нет – сама себе доказываю, что они плохие. Злюсь, ругаюсь...

«Сама себе доказываю, что люди плохие», – записала Вера в блокноте.

– А есть те, к кому вы привязаны и не боитесь этого?

– Да, конечно. Муж, дети... но я знаю, что они не уйдут, не бросят, не предадут меня.

Вера задумчиво посмотрела на Надежду Николаевну. Кажется, она действительно сдвинулась с мертвой точки. Важно не упустить момент.

– Знаете, я участвую в психотерапевтической группе, ко-

торую ведет пожилая женщина-психотерапевт. Ей уже под восемьдесят. И однажды она сказала: «Я не боюсь привязаться к участникам, не боюсь впускать их в свое сердце, ибо только так и происходит настоящая работа – в близости в совместном разделенном сердце. И я могу спокойно отпустить вас потом в свою жизнь. У меня уже взрослые дети, они живут своими семьями, приходят ко мне на праздники. Но я постоянно чувствую внутреннюю связь с ними. Сердце расширяется, когда принимаешь, что в нем есть кто-то еще. И да, бывает больно отпустить. Но любовь включает в себя и боль. Тогда это полное чувство». Мне очень запомнились эти слова.

Надежда снова опустила глаза и пальцами начала теревить край коричневого свитера крупной вязки.

– Я не знаю, что мне делать с Катей. Один раз она проснулась и заплакала, сказала, что хочет в туалет. Я так обрадовалась тогда – хоть какая-то отдача появилась, – и с моей стороны контакт сразу возник! Взяла ее на руки, отнесла в ванную... И внутри было тепло оттого, что я ей нужна. Но это было один раз и быстро закончилось. В туалете она вылила в раковину новый шампунь и измазала им себя вместе с одеждой. Всю эту близость тут же как ветром сдуло...

– А сколько раз должны повториться такие теплые моменты, чтобы вы перестали чувствовать состояние отчужденности?

– Не знаю, – покачала головой Надежда Николаевна. – На-

до подумать.

– Хорошо, – мягко согласилась Вера. – Тогда подумайте, какие ритуалы вы бы могли с ней делать, – но только с ней, без других домочадцев. Не обязательно что-то большое и глобальное. Достаточно трех-пяти минут, но постоянно. Может, к примеру, вы будете вместе кормить птиц крошками или вдвоем с нею убирать со стола? Всё что угодно.

– Мне надо подумать, – повторила Надежда.

Наступила короткая пауза. Вера, почувствовав, что она неслучайна, молча наблюдала за Надеждой Николаевной. Та по-прежнему сидела, опустив взгляд вниз, и внимательно рассматривала стакан с водой на столике у кресла. Потом шепотом, в котором слышалась хрипотца приближающихся слез, произнесла:

– К ней я тоже боюсь привязаться.

– Почему?

– Не хочу рвать сердце. Она не моя, понимаете? Незнакомая, далекая, дикая. Раскроюсь перед ней – а она будет меня отталкивать. Да, сейчас она для меня невыносимая проблема, но, понимаете, как-то снаружи. А если впущу внутрь, то может стать больно.

Снова тишина. Вера поймала себя на том, что, подбирая слова, почему-то рисует в блокноте цветочек.

– Знаете, Надежда Николаевна – сказала она, слегка откашлявшись, – на одном из занятий группы, о которой я уже упоминала сегодня, шла глубокая, серьезная работа с одним

участником. Мы сидели затаив дыхание, чтобы не помешать тому, что рождалось на наших глазах. И вдруг кто-то из слушателей разрушил это пространство. Он воскликнул: «Я не могу на это смотреть, прекратите, у меня сердце разрывается!» Ведущий тогда ответил: «Пусть оно хоть один раз разорвется по-настоящему – вы забудете, наконец, о себе и почувствуете чужую боль».

На этих словах Надежда расплакалась окончательно.

– Что-то мы с вами, Вера Никитична, сегодня о грустном все говорим...

Глава 8

Январь. Дом

Кровать не заправлена. Поверх одеял, свернутых в воронье гнездо, – две подушки в наволочках из разных комплектов, не подходящих друг к другу ни цветом, ни фактурой, ни формой. На столе бардак. В голове сумбур.

Вера сидела в высоком кресле с деревянными подлокотниками. На них так часто опирались, что лак потускнел, обнажая светлое основание. Ноги закинула на компьютерный стол. Там им пришлось соседствовать с кружкой вчерашнего недопитого кофе, россыпью печенья «рыбки», стопкой книг, блокнотами разных цветов и форматов, несвежими листами бумаги. Чтобы освободить местечко, пришлось отодвинуть это всё пяткой. Надрывно потрескивая, загружался старенький ноутбук, купленный еще пятнадцать лет назад. Монстера рядом со столом разлапистыми листьями укоризненно касалась Вериного плеча, как бы говоря: «Когда ты уже про меня вспомнишь?» Кончики листьев у монстеры были подсыхшими.

Полить. Надо срочно полить ее.

Вера поплотнее завернулась в темно-бордовый теплый халат и подняла воротник. Холодно не было – просто хотелось отгородиться от мира.

Между книгами и ноутбуком на столе стоял бокал. Манил

терпкостью совершенной формы. Бургундский друг, создающий пространство для раскрытия сложных ароматов. Терруарное пино-нуар словно создано именно для него. Бутылка с винопельни Павла Швеца хранилась для особых моментов – ее подарили мужу на какой-то праздник. Биодинамическое вино. Вере тогда стало интересно, и она полезла читать об этой системе.

Выяснилось, что правильнее говорить о виноградниках, возвращенных на биодинамике. Биоценоз. Добрососедские отношения между растениями, птицами и микроорганизмами. При агрессивных технологиях у земли нет возможности отдыхать. Она вырождается. Биодинамика про то, как забирать не больше, чем земля может дать без вреда для себя, чтобы восстановиться за год и создать саморегулируемую систему.

Создать условия, в которых можно развиваться, не думая о выживании.

Перед каждым рядом винограда сажают куст роз. Вера, когда прочитала об этом, удивилась: зачем? Ведь их даже не будет видно среди зарослей. Оказывается, у винограда и роз одинаковые болезни, но розы они поражают быстрее. Увидев на листьях цветка первые признаки проблемы, рабочие начинают усиленно заботиться о винограде. Одно растение, жертвуя собой, помогает другому.

«Виноград – ребенок, – размышляла Вера, задумчиво глядя на бутылку. – Роза, люди, птицы, черви, почва – взрослые. Все они помогают ребенку расти. Тогда он расцветает и пло-

доносит. Но и роза не забывает цвести. И люди едят, спят, отдыхают, гуляют и ходят в кино. Птицы, черви, почва – все живут обычной, нормальной жизнью. А эта жизнь при этом помогает другой жизни».

Но больше всего ее поразило, что для сладости винограду нужны неидеальные условия. «Лоза должна страдать – тогда получится отличное вино», – гласит одно из правил виноделов. Каменистая почва. Большое количество извести. Все великие терруары² мира находятся на известняковых почвах.

Преодолевая препятствия, лоза дает вкус плодам. Преодолевая трудности, дети становятся взрослыми.

Подушечкой большого пальца Вера провела по темному стеклу бутылки. О, как же это похоже на вино из одуванчиков Рэя Брэдбери, на его пойманное и закупоренное в бутылке лето³! Там заключена сила жизни. Она есть. Бывает, что забудешься в раздирающих на части чувствах и теряешь середину, свое «Я», свое присутствие в этом мире. Тогда важно достать такое закупоренное счастье и вспомнить. И ожить.

² *Терруар* (фр. *terroir* от *terre* — земля) – совокупность почвенно-климатических факторов и особенных характеристик местности (рельеф, роза ветров, наличие водоемов, лесных массивов, инсоляция, окружающий животный и растительный мир), определяющая сортовые характеристики сельскохозяйственной продукции, чаще всего – вина, кофе, чая, оливкового масла, сыра. Терруарный продукт – продукт, выполненный из сырья, выращенного в определенной местности, в контролируемых условиях. В виноделии под терруаром понимают почву виноградника или плантации.

³ Цитата из книги «Вино из одуванчиков» (автор Рэй Брэдбери).

Можно даже не пить его, дело не в этом. Дело в сопричастии. Вино нужно не для опьянения и растворения себя в окружающем мире, а наоборот – для ощущения себя и своего места в нем. Ощущения себя как части саморегулируемой системы. Такой, в которой родился виноград. Человек тоже живет в этой системе. Даже больше: он и сам такая система. Саморегулируемая система, способная создавать свой собственный микромир, живущий в сотворчестве с миром большим.

А еще в виноградниках ловят в бутылки лунный свет и кладут их между рядами виноградников. Лунный свет в бутылке – это неуловимость отзвуков большого мира, которые влияют на микромиры человека.

Вера медленно сняла со стола затекшие ноги.

Надо. Надо срочно полить монстеру.

Глава 9

Январь. Консультация

– Надежда, чем вы руководствовались, когда решили взять в семью приемных детей?

Лицо Надежды Николаевны на экране монитора иногда распадалось на мелкие квадратики пикселей. Сегодня он-лайн-сессия: с утра дождь за окном хлестал с такой силой, что, казалось, выбьет стекла, раскрошив их на мелкие осколки, и Вера решилась предложить вариант встречи без выхода из дома. Геройствовать бессмысленно: сессия точно не станет результативнее, если, добираясь до кабинета, и терапевта, и клиента измочалит стихия.

Хотя нюансы таких встреч, конечно, никуда не деть. Лицом клицу Вере всегда было проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.